

Научная статья
УДК 94(47).084.5+378
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-137-154
EDN: ETDAFZ

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ДОНСКОГО (СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО) ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1920-Е ГОДЫ

Надежда Ивановна Швайба

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
shvaiba@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2582-0391>

Аннотация. Статья посвящена исследованию повседневности преподавателей Донского, а с 1925 г. – Северо-Кавказского государственного университета. Хронологически исследование охватило период первого советского десятилетия на Юге РСФСР. Повседневность рассматривается как важная характеристика жизни преподавателей и как культурный феномен конкретного университетского сообщества. Выделяется внеуниверситетская, бытовая повседневность. Выявлены условия жизни, рассмотрены продовольственные и жилищные проблемы преподавателей. Установлено, каким образом эти проблемы влияли на работу донских преподавателей.

Также рассматривается академическая повседневность. Изучаются ее составляющие: ежедневные учебные занятия, заседания научных кружков и предметных комиссий, научные исследования. Определены устойчивые практики университетского сообщества: юбилеи, вечера памяти ученых СКГУ и др. Описаны явления университетской повседневности («семейственность» в клиниках медфака), охарактеризован ряд факторов, влияющих на научную работу преподавателя в 1920-е гг. Проведенное исследование выявило механизмы адаптации преподавателей к тяготам повседневной жизни, а также к университетским переменам. Многие составляющие академической повседневности свидетельствовали о попытках поддержать прежние университетские традиции (научные общества, кружки, публичные лекции, чествование профессоров-юбиляров). Вместе с тем усиливалось влияние на повседневную жизнь преподавателя со стороны центральных государственных организаций: КУБУ, СНР, а на местах – месткомов. К концу 1920-х гг. советский преподаватель должен был стать активным участником общественной жизни.

Ключевые слова: высшая школа, Донской университет, повседневность, преподаватели, Северо-Кавказский государственный университет, университетские исследования.

Для цитирования: Швайба Н.И. Повседневность преподавателей Донского (Северо-Кавказского) государственного университета в 1920-е годы // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 137-154. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-137-154. EDN: ETDAFZ.

© Швайба Н.И., 2025

Original article

**THE DON (NORTH CAUCASIAN) STATE UNIVERSITY
DEPARTMENT STAFF EVERYDAY LIFE AT THE 1920s**

Nadezhda I. Shvaiba

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, shvaiba@sfedu.ru,
<https://orcid.org/0009-0009-2582-0391>

Abstract. The article is devoted to the study of the everyday life of the lecturer of the Don University, and from 1925, the North-Caucasus State University. Chronologically, the study covers the period of the first Soviet decade in the South of the RSFSR. Everyday life is considered an important characteristic of the lecturer's life and a cultural phenomenon of a specific university community. Extracurricular, everyday life outside the university is highlighted. Living conditions are identified, and the food and housing problems of the lecturer are examined. It is established how these problems affected the work of the Don lecturer.

Academic routine is also considered. Its components are studied: daily classes, meetings of scientific circles and subject commissions, and scientific research. Stable practices of the university community have been identified: anniversaries, commemorative evenings for SKGU scholars, and others. Phenomena of everyday university life have been described ("family-like" atmosphere in the medical faculty clinics), and a number of factors influencing the scientific work of lecturers in the 1920s have been characterized. The research conducted revealed the mechanisms by which lecturers adapted to the hardships of everyday life as well as to university changes. Many components of academic daily life indicated attempts to maintain previous university traditions (scientific societies, clubs, public lectures, honoring professors on jubilees). At the same time, the influence of central state organizations – KUBU, SNR, and locally, the local committees – on lecturer's everyday life was increasing. By the end of the 1920s, a Soviet lecturer was expected to become an active participant in social life.

Key words: higher school, Don University, everyday life, department staff, North-Caucasian State University, university research.

For citation: Shvaiba N.I. The Don (North Caucasian) State University department staff everyday life at the 1920s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 4. – P. 137-154. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-137-154. EDN: ETDAFZ.

© Shvaiba N.I., 2025

Введение

Актуальность. Советская повседневность 1920-х гг. во многом остается перспективной темой для современных историко-антропологических исследований. Советской повседневности было посвящено немало основательных работ за последние десятилетия. Отметим комплексное исследование быта эпохи нэпа и, шире – повседневности 1920-х – 1930-х гг. Н.Б. Лебиной [Лебина 1999; Лебина 2015]. Заслуживает внимания проект, посвященный повседневности советского человека в условиях социальных трансформаций 1920-х – 1940-х гг. [Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011], работы С.В. Журавлева, А.К. Соколова, Н.Н. Козловой, И.Б. Орлова, Е.А. Осокиной, А.Ю. Рожкова и многих других исследователей.

Интерес к повседневности продиктован не только развитием междисциплинарного и антропологического подходов, но и социальной истории, культурной истории, истории ментальности и т.д. Изучение повседневности позволяет лучше понять не только саму эпоху и человека, проживающего в реалиях конкретного времени, но и выделить его привычки, паттерны поведения, стратегии, применяемые в различных ситуациях на работе и дома, в узком семейном кругу,

в обществе. Повседневные жизненные ситуации (от рутинных до непредвиденных) требуют от человека внимания, определенных реакций и действий, траты ресурсов, во многом детерминируя его духовную сферу, формируя культурные и профессиональные ценности. Когда же в центре внимания находится конкретная профессиональная группа, то анализ её повседневности позволяет изучить условия жизни, работы, научного творчества как отдельных ее представителей, так и самой группы. Более понятными, тем самым, становятся повороты в карьерах конкретных преподавателей, траектории их индивидуальных биографий.

Изучение повседневности видится нам особенно важным в таком направлении, как *университетские исследования*, которые, по мнению ряда историков, медленно, но верно обретают научность, трансформируясь в самостоятельную научную субдисциплину [Вишленкова, Парсамов 2014: 164]. Более глубокое, чем ранее считалось в историографии, понимание истории университетской жизни предполагает расширение границ исследования и обращения к самым различным её проявлениям. Академическая повседневность помогает обратить внимание на специфические проблемы академического сообщества, увидеть составляющие его развития, кризисов, выйти за рамки традиционных юбилейных университетских нарративов [Репина 2017]. Автор статьи разделяет мнение о том, что «большие истории» отдельных университетов, истории правительственной политики в области высшего образования и исследования культурных феноменов академической жизни обладают равными статусами [Вишленкова, Парсамов 2014: 170].

На сегодняшний день историкам хорошо знаком общий ход образовательного процесса в советских вузах 1920-х гг., включая определяющие его факторы: идеологизация, пролетаризация, борьба со «старой профессурой», новые учебные планы, внедрение института выдвиженцев и т.д. Однако, малоизученным является вопрос, насколько данные факторы соотносились с повседневным течением академической жизни, в т.ч. на уровне региональных вузов. В центре нашего внимания – Донской университет, который функционировал в г. Ростове-на-Дону с 1915 г. Основу педагогического коллектива Донского, а затем – Северо-Кавказского государственного университета (СКГУ), составляли профессора и доценты, оказавшихся на юге Российской империи в связи с эвакуацией в Ростов-на-Дону Варшавского императорского университета в ходе Первой мировой войны.

Наша задача – попытаться установить, каким образом повседневность 1920-х гг. повлияла на жизнь и работу преподавателей Донского университета (1920–1925 гг.), а в следующее пятилетие – преподавателей СКГУ (1925–1930 гг.). Рассмотрим повседневность конкретных акторов университетской жизни.

Результаты исследования

Предметом исследования выступает повседневность преподавателей и ученых Донского (Северо-Кавказского государственного) университета. Основными источниками исследования стали архивные документы фонда Р-46 Государственного архива Ростовской области (ГАРО). В основном это документы делопроизводственного характера, часть которых (письма, заявления, «обращения

во власть», адресованные структурам университета) содержит уникальную информацию. Иногда это документированный «крик души» о глубоком переживании ситуаций, связанных с повседневностью, свидетельства о ее аномалиях.

Говоря о внеуниверситетской *бытовой повседневности*, можно выделить ключевые проблемы, с которыми столкнулись многие преподаватели в 1920-е гг. На Юге России в начале 1920-х гг. на повседневность многих людей влияли всеобщий экономический упадок, продовольственный кризис, сложная эпидемиологическая обстановка, последствия Гражданской войны.

Профессор математики Донского (Северо-Кавказского) университета Д.Д. Мордухай-Болтовской отмечал спустя годы в своей автобиографии: «Все мое имущество было уничтожено немцами... вследствие чего я... не получая ни зарплаты, ни пенсии, и не будучи в состоянии что-либо продавать, находился в состоянии крайней нужды, страдал от болезней, и от холода, и от голода...» [Пырков 2015: 183]. Вряд ли положение ростовских преподавателей в начале 1920-х гг. было существенно лучше той картины, которую описывает в своих воспоминаниях Пителин Сорокин. В его записках 1919–1922 годы озаглавлены как «Жизнь в царстве смерти». Бытовые реалии университетского преподавателя выглядели следующим образом: неотапливаемое жилье, очереди за плохим хлебом, вода, зараженная тифом, неисправная канализация, голод, смерть университетских коллег от тифа, гриппа, воспаления легких, холеры, истощения, суицидальные случаи, аресты [Сорокин 1992: 129–132].

Пожалуй, самый острый вопрос начала 1920-х гг. был вызван *продовольственным кризисом*. В городе не хватало продуктов и товаров первой необходимости. Тогда же Донской университет был вынужден включиться в организацию помощи своим работникам. В 1920 г. Комитет Донского университета запрашивал разрешение у продотдела Городской управы на покупку и провоз из Таганрогского округа съестных продуктов (мука, масло, сало, яйца и др.) для 472 служащих университета [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 2]. На страницах университетского делопроизводства в 1920 г. появляется понятие *академического пайка* для квалифицированных специалистов, работающих в высшей школе [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 3]. Но до ноября 1920 г. ученые Донского университета, за исключением незначительных выдач медикам, пайков не получали. Ректор сообщал в своем обращении в Донисполком, что в таких условиях ученые вынуждены существовать на 8 250 руб., что было по тем временам весьма скромной суммой.

К распространенной в те годы практике – продаже своих вещей на базаре или обмену их на продукты – могли прибегнуть далеко не все преподаватели. В 1915 г. эвакуация многих из них проходила в считанные часы, значительная часть варшавского имущества была утрачена [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 20–21 об.]. Ректор вуза, апеллируя в т.ч. к этому факту, пытался решить судьбу академического пайка для 78 профессоров. Уполномоченные от университета не один месяц обивали пороги различных инстанций в Москве и в Ростове-на-Дону: в Донисполкоме, Донпродкоме, Совтрударме. Борьба университета шла за академический паек в объеме, какой получали столичные преподаватели, а не их скромный паек 1-й категории (в месяц выдавалось: 45 фунтов (ф.) хлеба, 1 ф.

постного масла, 0,5 ф. сахара, 1 ф. соли, 0,25 ф. горчицы, 0,5 ф. мыла, 2 коробки спичек, 300 папирос, 5 ф. керосина) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 27].

К декабрю 1920 г. ситуация с пайками и с продовольствием усугубилась; в университете были вынуждены констатировать, что профессора не имеют возможности всецело посвятить себя работе, т.к. получаемое содержание не обеспечивает их в материальном отношении, вынуждая искать «побочные» заработки. Чтобы избежать голодного существования, профессора и доценты вели занятия в других учебных заведениях, либо на стороне, «оплачиваемые натурой». В итоге страдало преподавание, качественно готовиться к чтению лекций в таких условиях было некогда. О дополнительной работе вне университета преподавателей историко-филологического факультета в 1920–1921 уч. год известно следующее: практически все профессора (А.М. Евлахов, И.И. Замотин, И.П. Козловский, Н.Н. Сретенский, Е.А. Черноусов) вели занятия в Донском Археологическом институте. Помимо этого, они преподавали в трудовых школах, в техникуме водного транспорта, в бывшем реальном училище и в гимназии Берберовой, на курсах народных учителей, на рабфаке, вели русский язык на дошкольных курсах [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 65. Л. 47–47 об.]. Многие преподаватели продолжали выступать с публичными лекциями.

В январе 1921 г. ректор Донского университета охарактеризовал положение служащих, вследствие материальной и продовольственной необеспеченности, как весьма критическое. Нередки были случаи заболеваний на почве недоедания [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 73]. Лишь в сентябре 1921 г. вопрос о регулярной выдаче Донисполкомом академических пайков был положительно решен. При этом заработная плата в университете, по расчётам профессора В.П. Вельмина, составила за ноябрь 1921 г. по факту лишь 22 % от необходимой денежной выдачи (204 млн руб.) и 26,5 % от продуктовой, а долг за государством оставался в размере 51,5 % (478 млн руб.) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 101].

На этом фоне в 1921 г. преподаватели игнорировали заседания университетского месткома. Последнее расценивалось председателем месткома как признак «несостоятельности университетской жизни» и отказ от возможности добывать мыло, уголь, пиво, дрожжи и другие продукты через профсоюзы и ЕПО (Единое потребительское общество) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 10. Л. 127]. Преподаватели попросту не воспринимали местком как эффективную структуру. Тем не менее, в условиях продовольственного кризиса университет включался в решение вопросов, связанных с продуктовым обеспечением его сотрудников, активно взаимодействовал с другими инстанциями, чтобы в условиях городской дороговизны, отсутствия многих товаров и продуктов помочь, в буквальном смысле, выжить многим преподавателям.

На преподавателей Донского университета стала распространяться с 1922 г. помощь местной Юго-Восточной Комиссии по улучшению быта ученых (ЮВ-КУБУ). По каждому преподавателю необходимо было согласовать разряд (для определения объема оказываемой помощи), определить круг людей, которым полагался академический паек (в октябре 1922 г. его получали 300 чел.) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 91. Л. 179–181]. Для сравнения – преподаватели Саратовского

университета стали получать академические пайки только с февраля 1923 г. [Абубикерова 2012: 120].

ЮВКУБУ планировала создать и курировать Отдел снабжения на кооперативных началах, организовать жилищные товарищества, курировала хозяйственную комиссию, отвечающую за улучшение быта всех научных работников вуза. В сфере ее деятельности находилась защита жилищных прав ученых (уплотнения, выселения), оказание помощи больным, многосемейным, семьям умерших сотрудников, устройство Дома отдыха, распределение направлений в санатории Кавказа, Крыма, Подмосковья. Иногда эта помощь проявлялась в элементарном распределении дефицитных товаров для ростовских преподавателей («отрез материи получил») [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 91. Л. 133].

Работа ЮВКУБУ все же не могла системно улучшить бытовое положение профессорско-преподавательского состава. Особенно сложно приходилось возрастным преподавателям. В 1924 г. историк русской литературы и общественной мысли, философ, профессор Е.А. Бобров обращался за помощью к университетскому начальству: «Дорогой Алексей Иванович, по старой дружбе помогите мне. Я слег в брюшном тифу, нужны сахар, вино, молоко, яйца – а в доме ни копейки ни у кого. Нельзя ли получить хоть что-нибудь из КУБУ или секции научных раб. или от Правления (иногда давали, например Ефременко на лечение), сегодня как раз заседание. Я в апреле получил 7 черв., половину отослал жене и остался... Что же делать? Приходится нищенствовать и попрошайничать, вчера исполнилось 36 лет моей греко-литературной деятельности и вот результаты – что заработал с 1888 года, лежу тяжело больной в жару и без гроша денег. Ваш Е.А. Бобров. 21.V.24» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 489. Л. 51]. Следующее письмо тот же профессор адресовал члену Правления университета (затем – ректору) Л.М. Ефременко, в котором звучал тот же печальный мотив: «...и вот результат, что я выработал себе целой жизнью труда над книгами... нищий, больной, без гроша денег» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 489. Л. 50]. Известно, что в течение мая-июня 1924 г. 11 преподавателей (преимущественно профессора, включая Е.А. Боброва) получали дополнительное месячное пособие (40–100 руб.) от Секции научных работников [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 489. Л. 57].

В это же время преподавательский быт зачастую был сопряжен с влиянием различных заболеваний. В 1918–1921 гг. эпидемия сыпного тифа («сыпняк») охватила огромные регионы бывшей Российской империи, включая Ростов-на-Дону и его окрестности [Миронова 2020: 139; 299]. В условиях Гражданской войны и невозможности оперативно наладить медицинскую помощь болезнь выкашивала военные части, население городов, сёл и станиц; избежать заражения было практически невозможно. В таких условиях, когда смерть в буквальном смысле превращалась в неотъемлемый атрибут течения городской жизни, отдельные преподаватели составляли завещания, многие умирали. В последующие годы вдовы умерших профессоров вступали в переписку с университетом в попытке установить полагающуюся им пенсию.

В личном деле преподавателя и историка Л.Н. Беркута имеется «духовное завещание», составленное им еще в 1917 г. Тогда 38-летний преподаватель Донского университета завещал все свои книги и научные пособия Кабинету

всеобщей истории, а денежную сумму (1800 руб.) – на учреждение премии за лучшее сочинение по всеобщей истории [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 74. Л. 17–18]. Впрочем, самые тяжелые годы Л.Н. Беркут пережил, уехав в 1922 г. из Ростова-на-Дону в связи с избранием на должность профессора в один из киевских вузов.

Не менее важным для преподавателей Донского университета был *жилищный вопрос*. Многие из них не имели собственного жилья в Ростове-на-Дону в связи с переездом из Варшавы и других городов. Известно, что историк Г.Г. Писаревский проживал с семьей по адресу «пер. Соборный, 17», в меблированной комнате №15. В личной учетной карточке профессора Н.И. Напалкова местом проживания был указана «ул. Пушкинская, 144» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 426. Л. 15]. Некоторые сотрудники проживали прямо в университетских зданиях. Квартира профессора П.М. Ерохина в 1920-е гг. находилась в здании физического университетского корпуса. В его же квартире проживал с семьей (отец, мать, сестра) доцент кафедры политэкономии М.Е. Подтягин [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 426. Л. 26]. Неизвестно, являлось ли такое совместное проживание следствием политики уплотнения, либо же имели место другие основания.

Страшной и вполне реальной, особенно в начале 1920-х гг., была угроза выселения из занимаемого жилья. В ноябре 1920 г. упоминаемый выше Л.Н. Беркут сообщал о ситуации, глубоко задевающей его как «человека, гражданина и профессора». В течение нескольких дней преподавателя посещали незнакомые лица без каких-либо мандатов, желающие выселить его из квартиры [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 10. Л. 51]. Обеспокоенный Л.Н. Беркут заявлял декану, что теперь он не может аккуратно читать лекции по романо-германскому отделению. Под влиянием сильнейших нервных потрясений у него обострилась болезнь правой руки, профессор Никольский (преподаватель медицинского факультета) диагностировал у Л.Н. Беркута «туберкулезное поражение кожи на почве недоедания» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 10. Л. 104]. Таким образом, общая неблагоприятная обстановка подрывала возможность вести нормальную преподавательскую деятельность, а отдельные бытовые случаи воспринимались преподавателями как прямая угроза жизни и здоровью.

В феврале 1928 г. ректор СКГУ Л.М. Ефременко обращался в горсовет, намереваясь решить жилищный вопрос хотя бы для части преподавателей – ценных «научных работников-общественников, не имеющих квартир вовсе, временно проживающих в кабинетах педфака» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 282. Л. 81]. Среди таковых были перечислены профессора П. Аржанов, А.Н. Бартенев, С.Г. Лозинский, доценты Егоров и Каменев [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 282. Л. 82]. Вопрос о закреплении за университетом одного из недавно выстроенных домов в Нахичевани (по ул. Нольной) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 282. Л. 84] оставался открыт еще в последующие годы.

Преподаватели нередко затягивали с оплатой за проживание в университетских корпусах. В 1928 г. ряд должников ходатайствовал о сложении с них долгов за квартплату. Профессор Е.А. Черноусов просил об освобождении его от квартплаты в связи с безвозмездным исполнением обязанностей коменданта здания [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 32]. В конце 1928 г. была организована специальная комиссия СКГУ для выяснения условий проживания работников в

университетских корпусах. Комиссия констатировала: в здании химического корпуса в двух светлых комнатах (38,5 кв.м. и 23,5 кв.м.) проживал профессор Н.Н. Стасевич, одну из комнат профессор заставил вещами и назвал кухней. Комиссия рекомендовала выселить профессора из учебного корпуса [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 348. Л. 18]. В том же здании в отдельных комнатах проживали ассистент Попов (15 кв.м.), ассистент Дионисьев (две комнаты по 31,5 кв.м. каждая), некто П.Т. Соколов (9 кв.м. полутемной комнаты с окном, выходящим на соседнюю стену) [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 18]. В итоге только дворник был освобожден от квартплаты. Данное положение распространялось и на другой технический персонал (сторожа, швейцары) в связи с крайне низкой оплатой его труда.

Доцент экономического факультета С.П. Осинский избежал «уплотнения» своей жилплощади. Однако, в 1930 г. во время его перевыборов в СКГУ заявился некий гражданин Григорьев и довел до сведения общественности историю их квартирного конфликта. Доцент обвинялся в том, что, проживая в 5-комнатной квартире площадью 85 кв.м., всячески сопротивлялся уплотнению: занял руководящую должность в ЖАКТе, часть квартиры закрепил за тещей, что оценивалось Григорьевым как уловка [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 394. Л. 80–81]. Подобные казусы свидетельствовали о противоречивом, нередко – тяжёлом, положении дел в сфере обеспечения преподавателей жильем. Квартирный вопрос варьировался от минимального обеспечения (съёмный угол или комната в университетском корпусе) до отдельной изолированной квартиры, но с риском «уплотнения», либо выселения. Вести квалифицированную подготовку студентов, реагировать на запросы времени, работать с полной отдачей становилось в подобных обстоятельствах весьма проблематично.

Далее обратимся к *академической повседневности*, тесно связанной с общеуниверситетскими процессами. К её проявлениям можно отнести как сугубо рутинные учебные явления (занятия со студентами, заседания научных кружков и предметных комиссий, всевозможные отчеты), так и устойчивые практики академического сообщества (чествование университетских юбиляров, вечера памяти ученых СКГУ и др.). Повседневность преподавателя – это его расписание и занятия (преподавательская деятельность), а с середины 1920-х гг. еще и обязательное участие в общественной жизни. К тому же 1920-е гг. – период интенсивной трансформации университетского образования, реорганизации факультетов, создания новых структурных подразделений (рабфак, ФОН), поиска оптимальной модели управления университетом.

Учебный процесс следовало наладить, решив для начала вопросы хозяйственные. На историко-филологическом факультете в 1920–1921 гг. не хватало помещений, в аудиториях и кабинетах часто прерывалось или отсутствовало освещение, не было налажено отопление, а сами занятия нередко проводились в холодных комнатах [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 65. Л. 40 об.]. К тому же, в начале 1920-х гг. произошло резкое увеличение набора студентов: с 2 тыс. чел. в 1922 г. до 5 тыс. чел. в 1925 г. Как следствие – преподаватели оказывались перегружены аудиторной работой, встал вопрос о т.н. параллельных курсах [Шандулин 2017: 136]. Тема переработок в кабинетах Педфака оставалась актуальной на

протяжении всех 1920-х гг. В 1928 г. занятия в факультетских кабинетах, несмотря на запрет, велись подряд в течение 11,5 час. [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 183].

Каковы же были условия учебной работы? Первое занятие в расписании преподавателя, как, например, у профессора И.И. Ягодинского, могло стоять с 5.30 до 7.00 утра, а последнее – с 20.00 до 21.20. И.И. Ягодинский в 1920 г. читал курсы психологии, введения в философию, истории наук, теории знания, эстетики – по 9 занятий в неделю [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 10. Л. 94]. Принятие зачета по предмету у всего курса из-за увеличения количества студентов превращалось в целую проблему. В своем заявлении в краевую комиссию по проверке качественного состава студентов А.Г. Задера, студентка ФОНа, подробно описала обстоятельства, послужившие поводом для отчисления. В 1923 г. у А.Г. Задеры (ставшей в будущем к.и.н. и доцентом исторического факультета РГУ) образовалось две задолженности по двум зачетам (логика и психология). «Профессор Ягодинский... принимал 2 раза в неделю по 10–15 чел. в день, в то время как число желающих доходило до 80–100 чел. в день в одну очередь, т.к. он принимал зачеты от студентов четырех курсов Педфака. Эта огромная очередь была настолько беспорядочной и неорганизованной, что студенты вынуждены были обратиться к декану...» [Казарова 2024: 216]. Вопрос вынесли на общее факультетское собрание, время принятия зачетов было продлено, порядок приема – урегулирован (каждый рабочий день – зачеты у 20 чел. по списку). Каково же было самому преподавателю работать в сложившихся условиях – история умалчивает...

Высокой была нагрузка и у членов университетского Правления. В мае 1928 г. профессор П.И. Бухман обращался в Правление СКГУ с заявлением об освобождении его от обязанностей члена Правления. Работа в комиссии по заграничным закупкам, редактирование «Известий СКГУ» и прочие заботы «вредно» отражались на его научной, учебной работе. П.И. Бухману удалось освободиться лишь от работы в «нервной» комиссии по заграничным закупкам [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 173]. В отчете о своей учебной деятельности в декабре 1921 г. профессор и опытнейший преподаватель С.И. Живаго [Краковский 2021], отмечал: посещаемость курсов с середины ноября заметно упала. Причина – полное отсутствие отопления в аудиториях при температуре на улице до -20°. На фоне остальных формальных отчетов С.И. Живаго, как преподаватель курса «Государство и церковь» и семинара общественных наук (для всех курсов по 2 часа в неделю), фиксирует реальные условия своего труда: «пробыть в промерзлом помещении с 5 до 10.15 часов вечера сопряжено с прямой опасностью для жизни и здоровья и требует со стороны учащихся прямого самопожертвования, а со стороны учащихся большой выносливости и любви к приобретению знаний». Посещать же занятия «на последних часах» (20.50–22.15) виделось С.И. Живаго без преувеличения неразумным [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 426. Л. 123 об.]. Но такие критические голоса оказывались единичными, а сама преподавательская повседневность была сопряжена с крайне ограниченными ресурсами университета.

Лишь к 1926 г. ситуация в университете значительно улучшилась. В отчете ректора Л.М. Ефременко 1925–1926 ак. год был назван годом значительного укрепления университета во всех отношениях. Во всяком случае, бюджет СКГУ

вырос на 67,1 % [Ефременко 1927: 113]. При этом отмечалось, что Правление СКГУ слабо администрировало академическую работу, очень мало было сделано в области активизации и совершенствования методов преподавания (пытались внедрять лабораторный метод ведения занятий), некоторые кафедры не были укомплектованы преподавательским составом, мало осуществлено научных командировок, не был урегулирован вопрос доставки научной литературы из-за границы [Ефременко 1927: 115].

Материально-техническая сторона преподавательской работы, казалось, должна была улучшиться. Напротив, в ноябре 1928 г. декан педфака Гофман обращался в Правление с заявлением о необходимости срочной замены проводки в Главном здании университета, а пожарная охрана и ГЭС снимали с себя ответственность за возможное возникновение пожара [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 341 об.]. Немногим лучше обстояли дела в клиниках медицинского факультета. В феврале 1928 г. профессор Хирургической клиники СКГУ Н. Напалков пытался донести до члена Правления А.В. Парабучева «воплъ работников» в связи с отказом установить нормальное освещение в лаборатории клиники и о холоде из-за отсутствия отремонтированных оконных рам [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 297. Л. 60]. На отдельных кафедрах медфака имелись проблемы с исправностью «водоканализации».

На преподавателях сказывались не только вышеописанные условия труда, но и сокращение штатов. В первую очередь, сокращения коснулись технического персонала подразделений университета. В 1928 г. директор Анатомического института К.З. Яцута рапортовал декану медфака, что у кафедры биологии «отняли» даже служителя, работа парализована, «неужели ассистент должен сам ловить тараканов, собак и умерщвлять их для занятий со студентами» ... «Занятия по биологии прекратились, умирают они и по анатомии из-за отсутствия средств» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 343. Л. 156]. В другом обращении К.З. Яцута, один из ведущих советских анатомов того времени, просил Правление СКГУ выделить полагаемые средства для трупной комиссии, т.к. невозможно заготавливать и доставлять трупы для институтов Нормальной анатомии и Оперативной хирургии, а учебный план находится под угрозой срыва [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 297. Л. 52]. Но в целом складывается впечатление, что, за исключением редких попыток активного воздействия на руководство университета, либо привлечения внимания Секции научных работников (СНР), большинство преподавателей стоически принимали условия своей работы.

Традиционной составляющей академической повседневности 1920-х гг. являлись юбилейные практики. 1920-е гг. – период, когда многие представители университетской профессуры встречали свои 30–40-летние юбилеи научной и преподавательской деятельности. Причем в первой половине 1920-х гг. юбилейная тематика в университетской документации встречается редко, а вот со второй половины 1920-х гг. юбилеи как будто обретают особый символизм и значимость. Чествование юбиляров напоминало о вкладе отдельных ученых в развитие науки, подтверждало значимость профессуры в пространстве советской высшей школы. В условиях резкого идеологического размежевания «старого» и «нового» [Парсамов 2018: 122], юбилей означал общественное признание заслуг конкретного

ученого для университета, науки, государства. Для многих преподавателей юбилей был важен и как способ поддержания академических традиций.

Юбилеи организовывали по более-менее общей схеме. Например, 15 мая 1928 г. торжественно отмечался юбилей 30-летней научной и педагогической деятельности профессора Д.Д. Мордухай-Болтовского. В этом же году состоялся юбилей 35-летней деятельности профессора медфака СКГУ А.И. Ющенко. Работал представительный оргкомитет, готовился юбилейный сборник, обсуждались вопросы о присуждении звания заслуженного деятеля науки и о наименовании Психоневрологической клиники именем юбиляра [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 125]. Университет планировал начать подготовку к юбилею профессора Н.Н. Любовича, специалиста по всеобщей истории, преподавателя Варшавского университета с 1880 г., члена-корреспондента Академии наук с 1924 г. [Казарова 2019]. Впрочем, сам профессор был вынужден уточнять, что «юбилей мой может быть отнесен лишь к 1930 г., а никак не к 1928!» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 3. Д. 460. Л. 305]. В преддверии солидной даты Н.Н. Любовича волновали более насущные вопросы – ученый просил улучшить его жилищные условия. В мае 1928 г. университет делегировал этот вопрос Краевому Бюро СНР [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 155]. Имели место исключения, когда юбиляры отказывались от публичных мероприятий и откровенно писали о том, что предпочтут материальное вознаграждение за их труды с учетом их плачевного нынешнего состояния (профессор Е.А. Бобров).

Определенными «местами памяти» для университетского сообщества становились вечера, посвященные недавно умершим коллегам. В 1928 г. в СКГУ готовились к мемориальному вечеру, посвященному профессору-юристу, члену Правления университета, бывшему декану ФОНа и проректору по учебной части, коммунисту И.Т. Филиппову (умер в 1927 г.) [Белозеров 1959: 165]. Планировалось заслушать доклады по праву, педагогике и философским взглядам профессора, а также выпустить труды И.Т. Филиппова объемом 10 п. л., продолжалась подписка на сооружение памятника профессору [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 98 об.]. Внимание к фигуре И.Т. Филиппова была не случайным – ученый-марксист и деятельный участник советизации университета.

В том же 1928 г. планировалось провести вечер к 100-летию со дня рождения Л.Н. Толстого, а также массово привлечь студенчество и преподавателей к чествованию в СКГУ 60-летия историка-марксиста М.Н. Покровского [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 296. Л. 400, 420]. Юбилейные практики становятся инструментом конструирования важных событий для советского университета.

Отдельной составляющей академической повседневности являлась *научная работа*. Многие преподаватели столкнулись с проблемой утраты личных библиотек. В условиях поспешной эвакуации в Москву (22–23 июня 1915 г.) фундаментальная библиотека Императорского Варшавского университета была эвакуирована в Ростов-на-Дону лишь частично; по подсчетам А.Г. Данилова удалось вывезти менее 1 % ее фондов [Данилов 2005: 31]. Продолжать свои научные исследования на фоне утраты личной варшавской библиотеки приходилось и профессору математики Д.Д. Мордухай-Болтовскому. Библиотеку удалось вернуть в Ростов-на-Дону лишь со временем в качестве дара Донскому университету.

Профессор Е.А. Бобров, преодолевая все сложности своего положения и здоровья, с 1924 по 1927 гг. занимался перевозом за счет университета своей личной библиотеки из г. Юрьев., а также её описанием и систематизацией. Уникальную библиотеку ученый преподнес в дар Донскому университету: «...закончив разбор своей библиотеки, пожертвованной университету, я должен констатировать, что недоставленный 33-й ящик (вероятно, утерян при транспортировке. – М.Т.) с книгами заключал в себе большое количество важных и старых книг и рукописей. В нём была вся моя переписка лет за 30 – учёная и семейная. (У меня не осталось даже ни одного письма моих покойных родителей)» [Тарасова 2006: 190].

С большим трудом через университет заказывались иностранные издания и журналы, необходимые преподавателям для научных исследований. С перебоями работала Академическая библиотека. Её директором на протяжении 1921–1928 гг. был историк, профессор Е.А. Черноусов. Многие книги, судя по его отчетам, оставались не разобранными, процесс каталогизации шёл медленно, не хватало сотрудников для нормальной организации работы читального зала [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 75 об., 130]. Этот и ряд других факторов сдерживали развитие научной деятельности преподавателей в 1920-е гг.

В отдельных случаях преподавателям удавалось съездить с докладами на конференцию или съезд (весьма активны тут были университетские медики), историки получали командировки в центральные архивы и библиотеки [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 282. Л. 357], на съезд историков-марксистов от СКГУ была утверждена кандидатура коммуниста Дорофеева.

Благодаря исследованиям В.Е. Пыrkова, в научный оборот введены многие документы, связанные с именем выдающегося математика, профессора Донского университета Д.Д. Мордухай-Болтовского (1876–1952 гг.). Наше внимание привлекли письма ученого 1920-х гг., адресованные профессору Московского университета А.В. Васильеву. В письмах (не позднее 1925 г.) ученый делится информацией о том, как меняется его реальность: «...чувствуется как бы толстая стена, отделяющая нас от Западно-Европейской Науки. Мною послано много статей в иностранные журналы, но судьба только нескольких мне известна» [Пыrkов 2015: 186]. В частной переписке первой половины 1920-х гг. ученый сообщал следующее о своей научной работе: «В период правда очень тяжелый в материальном отношении, в период разрухи и голода, научная жизнь не скажу, чтобы процветала, но во всяком случае её живой источник не иссякал. ... очень интенсивно работало Философское Общество, которое пользовалось огромной популярностью и доклады в котором привлекали до 500 слушателей... Но с началом борьбы на идеологическом фронте, философское общество совершенно прекратило свою деятельность: проф. И.И. Ягодинский чуть не вылетел из Университета, проф. А.М. Ладыженский подвергся отчаянной травле и всяким неприятностям, я меньше других пострадал. По назначении меня деканом Педфака, я был выброшен с этой должности вследствие телеграммы, посланной из Ростова, указывающей на неподходящее мое мировоззрение, выразившееся в докладах. Попытки издать мои доклады мне не удалось, цензура, не смотря на их полную аполитичность, их не пропустила» [Пыrkов 2015: 186]. Академическая жизнь в оценках Д.Д. Мордухай-Болтовского противоречива, полна конфликтов и угроз.

Складывается впечатление, что ученый работал не столько благодаря, сколько вопреки внешним обстоятельствам. Сохранять исследовательский дух в условиях такой повседневности получалось далеко не у всех преподавателей.

Университетские будни мог нарушить серьезный конфликт. В 1928 г. такой случился в клинике профессора Н.И. Напалкова. Николай Иванович Напалков (1868 г.р.), ученик выдающегося хирурга, профессора П.И. Дьяконова, работал в Ростовском университете и руководил Факультетской хирургической клиникой с 1915 г. Организовав клинику с нуля и расширив её к 1930 г. до 60 коек, профессор наладил работу амбулатории, образцового музея и кафедральной библиотеки. Под руководством Напалкова для научных исследований было собрано более 6 тыс. стационарных историй болезней [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 404. Л. 186], организован Хирургический кружок, в последствии – Хирургическое Донское общество. Сотрудники клиники (профессора, ассистенты, ординаторы) опубликовали за 15 лет 120 работ, сделали 311 докладов, участвовали во всех хирургических съездах, включая Ленинградский съезд, проходивший под председательством самого Н.И. Напалкова [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 404. Л. 187]. Свой коллектив профессор воспитывал в идеях неустанного труда. Из его клиники вышли приват-доценты, впоследствии профессора: В.П. Вознесенский, Н.В. Парийский, А.С. Кечек, И.Я. Сендульский, И.Н. Чижов. В 1926–1927 гг. Н.И. Напалков был деканом медицинского факультета, членом Горсовета, членом правления Дома ученых. Фигура для университета знаковая и важная во всех смыслах.

В 1928 г. ординаторы его клиники, боясь сокращения, обвинили профессора Н.И. Напалкова в поощрении т.н. семейственности. На административных постах в клинике работал его сын, ассистент П.Н. Напалков. По делу клиники была создана специальная комиссия. Обсуждение итогов ее работы свидетельствовало о полярности позиций университетской администрации. На заседании Правления СКГУ К.З. Яцута (от имени профессуры медфака) просил передать этот вопрос на внутреннее факультетское рассмотрение. Профессор А.И. Ющенко, как представитель СНР, заявлял, что «с семейственностью нужно бороться, уделяя большое внимание общественности». Декан педфака Б.Ф. Гофман счел нужным придать конфликту идеологический характер, увидев в нем результат столкновения старой формы административного управления с новой формой – советской [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 339]. Ректор Л.М. Ефименко, сторонник решения конфликта на уровне Правления СКГУ, формально поддержал ординаторов: «они начали прямо и откровенно высказываться о тех ненормальностях, которые создались в клинике» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 340].

В этом конфликте явление «семейственности» проявилось как элемент университетской жизни, характерный и для других клиник медфака. Конфликт, в условиях его раздувания, грозил перерасти в крупный скандал с репутационными потерями. В процессе урегулирования конфликта сработали академические и, возможно, личные связи. Профессор П.И. Эмдин считал, что бороться с семейственностью «до конца» не нужно, достаточно показательного решения по одной клинике. Также он указывал на то, что ординаторы, инициировавшие конфликт, неверно осветили вопрос отношения к больным и техперсоналу в

клинике. Работа Хирургической клиники в целом поставлена образцово. Ассистент Напалков, по его мнению, является ценным работником и нет нужды карать его и директора клиники, тем более – прерывать научную работу ассистента, достаточно отстранить сына профессора от всех административных вопросов.

Член правления СКГУ А.Ф. Вишневский считал, что не только сын, а все ученики должны быть достойны своего учителя, и все должны на равных основаниях пользоваться духовным капиталом профессора Напалкова, в независимости от родства... Но, если будет снят ассистент Напалков, существует угроза развала клиники, а это уже «контрреволюция» [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 307. Л. 340]. В итоге Правление СКГУ сочло необходимым уволить ассистента П.Н. Напалкова по возвращению из отпуска. Ординаторов клиники сократить по деловому принципу не удалось: местком и профессор Н.И. Напалков предложили разные кандидатуры. Из характерной приметы времени отметим критику ассистентов клиники за их устранение от общественно-организующей роли, какую они должны были сыграть в «советской действительности». В университетской повседневности наблюдалось явное смещение ролей и новая расстановка сил. Ослабевали позиции «старой профессуры», активнее продвигались позиции представителей общественных организаций (СНР, месткомов) и партийных работников.

Важнейшим фактором, влияющим на многомерную академическую повседневность, была общая повестка, диктовавшаяся университету сверху. Перед Всероссийским ректорским совещанием в апреле 1929 г. для подготовки сопутствующей вузовской выставки были обозначены главные, по мнению Главпрофобра, темы [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 345. Л. 23]:

- классовый состав вузов за последние 3–5 лет;
- рост и упорядочение учебной жизни, научно-исследовательской работы;
- усиление марксистско-материалистического крыла в среде профессоров и преподавателей;
- вопросы использования фабрично-заводских лабораторий в работе вузов;
- материальное положение преподавательского и студенческого состава.

В процессе подготовки к Всероссийскому ректорскому совещанию (1929 г.), по условиям учебной работы на педфаке в СКГУ выяснилось, что многие проблемы к концу 1920-х гг. остались созвучны проблемам 6–9 летней давности: недостаточно книг в кабинетах литературы, диалектического материализма, физики, математики и др., неудовлетворительно техническое оборудование, кабинет литературы профессора Беляева находился в сыром подвальном помещении, не хватало средств для ведения практических занятий по физике, не хватало аудиторий для занятий в химическом корпусе и т.д. [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 345. Л. 32].

Заключение

В первой половине 1920-х гг. Донской университет находился в крайне тяжелых условиях, что не могло не сказаться на жизни его преподавателей. Недостаток средств, продуктов, проблемы со здоровьем, жилищный вопрос, постоянные реорганизации учебного процесса, зачастую некомфортные условия труда –

все это требовало от преподавателя работы на пределе человеческих ресурсов, выживания в условиях хаоса и постоянной неопределенности. Последнее не могло не повлиять на активность и результаты научной деятельности большинства преподавателей.

В условиях реформы высшей школы, преобразования Донского университета в СКГУ преподаватели испытывали регулярные трудности в связи с перегрузкой, изменением учебных планов и методики преподавания, параллельной работой в других учреждениях. Преподаватель был вынужден адаптироваться под меняющийся контингент студентов (когда в связи с пролетаризацией вуза обычная лекция не воспринималась большей частью учащихся), создавать «с нуля» учебные кабинеты, формировать библиотеки, открывать музеи, искать способы их наполнения литературой и оборудованием. В отличие от быта, усугубляемого социально-экономическими причинами, университетская повседневность осложнялась постоянными трансформациями университетских структур. Многие составляющие академической повседневности свидетельствовали о попытках поддержать прежние университетские традиции (научные общества, кружки, публичные лекции, обсуждение докладов, чествование профессоров-юбиларов). Вместе с тем заметно усиливалось влияние на академическую жизнь таких организаций как КУБУ, СНР, партийных и комсомольских ячеек.

Основу ростовского университетского сообщества составлял профессорский и доцентский контингент «старой» школы. Многие его представители, при вполне лояльном отношении к советской власти, несмотря на все испытания повседневной жизни, находили силы для активной университетской работы. До конца 1920-х гг. некоторые представители ростовской профессуры сохраняли убеждение, что наука аполитична [ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 404]. Впрочем, уже в 1930 г. такие заявления были чреваты потерей работы. К концу 1920-х гг. от университетского преподавателя власть ожидала активного участия в общественной жизни университета, города, страны. Ряды университетских преподавателей постепенно пополнялись преподавателями нового типа: выпускниками Коммунистической академии и выдвиженцами. Университетская повседневность приобретала все более выраженный советский характер. Резкое противопоставление «старой» профессуры «новому» советскому работнику высшей школы задало тон последующему десятилетию университетской жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абубикерова 2012 – *Абубикерова Э.Ф.* Профессиональная повседневность научно-педагогических работников Саратова в 1920-е годы // Известия Саратовского университета. – 2012. – Т. 12. Сер. История. Международные отношения. – Вып. 2. – С. 119–122.

Белозеров 1959 – *Белозеров С.Е.* Очерки истории Ростовского университета. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета. – 1959. – 362с.

Вишленкова, Парсамов 2014 – *Вишленкова Е.А., Парсамов В.С.* Университетские истории в России: генезис жанров // Вестник СПбГУКИ. – 2014. – № 3 (20) сентябрь. – С. 164–172.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Данилов 2005 – *Данилов А.Г.* Варшавский университет в Ростове-на-Дону (1915–1917 гг.). Часть 1. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2005. – № 3. – С. 29–34.

Ефременко 1927 – *Ефременко Л.М.* Северо-Кавказский государственный университет в 1925–26 акад. году. / Отдельный оттиск из журнала «Известия СКГУ». – Ростов-на-Дону. – 1927. – Т. I (XII). – С. 111–192.

Казарова 2019 – *Казарова Н.А.* Любавич Николай Николаевич / Историки Ростовского университета: сборник биографических очерков. Сост. Н.А. Казарова, С.А. Кислицын. – Ростов-на-Дону, Таганрог: Южный Федеральный университет, 2019. – С. 11–17.

Казарова 2024 – *Казарова Н.А.* Ангелина Григорьевна Задера: историк и педагог // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к105-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (21–22 марта 2024 г., г. Ростова-на-Дону) – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство ЮФУ. – 2024. – С. 212–219.

Краковский 2021 – *Краковский К.П.* Счастливая находка. По страницам биографий профессоров В.А. Савальского и С.И. Живаго // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8, № 3. – С. 67–73. – DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-3-11.

Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011 – *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. – 2011. – 360 с.

Лебина 1999 – *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – Санкт-Петербург: Журн. "Нева", Летний Сад, 1999. – 320 с., илл.

Лебина 2015 – *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с.

Миронова 2020 – *Миронова Н.А.* Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. – Москва: Университет Дмитрия Пожарского. – 2020. – 315 с.

Парсамов 2018 – *Парсамов В.С.* Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2018. – № 6 (39). – С. 121–146. DOI: 10.28995/2073–6355-2018-6-121-146

Пырков 2015 – *Пырков В.Е.* Эпистолярное наследие Д.Д. Мордухай-Болтовского: переписка с отечественными и зарубежными математиками // Материалы I Международной научной конференции «Осенние математические чтения в Адыгее». – Майкоп: Изд-во АГУ. – 2015. – С. 182–189.

Репина 2017 – *Репина Л.П.* Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. – 2017. – Вып. 60. – С. 142–152. – EDN: ZGFODV.

Сорокин 1992 – *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: автобиография / пер. с англ., общ. ред., сост., предисл. и примеч. А.В. Липского. – Москва: Изд. центр "Терра": Московский рабочий. – 1992. – 302 с.

Тарасова 2006 – *Тарасова М.Н.* «В пользу читающей публике» // Донской временник. Год 2007-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону. – 2006. – Вып. 15. – С. 187–190.

Шандулин 2017 – *Шандулин Е.В.* Университетская трансформация в 1920-е гг. в СССР как отражение государственной политики реформирования системы высшего образования (по материалам Донского университета) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – Выпуск №1. – С. 135–140.

REFERENCES

ABUBIKEROVA E.F. *Professionalnaia povsednevnost nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov Saratova v 1920-e gody* [The Professional Daily Life of Research and Teaching Staff in Saratov in the 1920s]. In: *Izvestiia Saratovskogo universiteta*. – 2012. – Т. 12. Ser. Isto-riia. Mezhdunarodnye otnosheniia. – Vyp. 2. – P. 119–122. (In Russ.).

BELOZEROV S.E. *Ocherki istorii Rostovskogo universiteta* [Essays on the history of Rostov University]. – Rostov-na-Donu: Izda-telstvo Rostovskogo universiteta. – 1959. – 362 p. (In Russ.).

VISHLENKOVA E.A., PARSAMOV V.S. *Universitetskie istorii v Rossii: genesis zhanrov* [University Stories in Russia: the Genesis of Genres]. In: Vestnik SPbGUKI. – 2014. – № 3 (20) sentiabr. – P. 164–172. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [The State Archive of the Rostov region]. (In Russ.).

DANILOV A.G. *Varshavskii universitet v Rostove-na-Donu (1915–1917 gg.). Chast I.* [Warsaw University in Rostov-on-Don (1915–1917). Part 1.]. In: Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. – 2005. – № 3. – P. 29–34. (In Russ.).

EFREMENKO L.M. *Severo-Kavkazskii gosudarstvennyi universitet v 1925–26 akad. godu.* [North Caucasus State University in 1925–26 Academy of Sciences. year]. In: Otdelnyi ottisk iz zhurnala «Izvestiia SKGU». – Rostov-na-Donu. – 1927. – T.I (XII). – P. 111–192. (In Russ.).

KAZAROVA N.A. *Liubovich Nikolai Nikolaevich* [Lyubovich Nikolay Nikolaevich]. In: Istoriiki Rostovskogo universiteta: sbornik biograficheskikh ocherkov. Sost. N.A. Kazarova, S.A. Kislytsyn. – Rostov-na-Donu, Taganrog: Iuzhnyi Federalnyi universitet, 2019. – P. 11–17. (In Russ.).

KAZAROVA N.A. *Angelina Grigorevna Zadera: istorik i pedagog* [Angelina Grigorievna Zadera: historian and teacher]. In: Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshteina i aktualnye problemy istoricheskoi nauki (k105-letiiu so dnia rozhdeniia vydaiushchegosia rossiiskogo uchenogo): materialy vserossiiskoi (s mezhduna-rodnyim uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (21–22 marta 2024 g., g. Rostova-na-Donu) – Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatelstvo IuFU. – 2024. – P. 212–219. (In Russ.).

KRAKOVSKII K.P. *Schastlivaia nakhodka. Po stranitsam biografii professorov V.A. Savalskogo i S.I. Zhivago* [A lucky find. Biographies of Professors V.A. Savalsky and S.I. Zhivago]. In: Vestnik Iuridicheskogo fakulteta Iuzhnogo federalnogo uni-versiteta. – 2021. – T. 8, № 3. – P. 67–73. – DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-3-11. (In Russ.).

KRINKO E.F., TAZHIDINOVA I.G., KHLYNINA T.P. *Povsednevnyi mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn v usloviakh sotsialnykh transformatsii* [The Everyday World of the Soviet Man in the 1920s–1940s: Living in a Time of Social Transformation]. – Rostov n/D: Izd-vo IuNTs RAN. – 2011. – 360 p. (In Russ.).

LEBINA N.B. *Povsednevnaia zhizn sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody* [The Everyday Life of the Soviet City: Norms and Abnormalities. The 1920s–1930s]. – Sankt-Peterburg: Zhurn. Neva, Letnii Sad, 1999. – 320 s., ill. (In Russ.).

LEBINA N. *Sovetskaia povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilu* [Soviet Everyday Life: Norms and Abnormalities. From War Communism to Big Style]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 488 p. (In Russ.).

MIRONOVA N.A. *Velikaia epidemiia: synnoi tif v Rossii v pervye gody sovetskoi vlasti* [The Great Epidemic: Typhus in Russia during the Early Years of Soviet Power]. – Moskva: Universitet Dmitriia Pozharskogo. – 2020. – 315 p. (In Russ.).

PARSAMOV V.S. *Borba za universitet v bolshevistskoi Rossii 1917–1921 gg.* [The Struggle for the University in Bolshevik Russia, 1917–1921]. In: Vestnik RGGU. Serii «Istoriia. Filologii. Kulturologii. Vostokovedenie». – 2018. – № 6 (39). – P. 121–146. DOI: 10.28995/2073–6355-2018-6-121-146. (In Russ.).

PYRKOV V.E. *Epistoliarnoe nasledie D.D. Mordukhai-Boltovskogo: perepiska s otechestvennymi i zarubezhnymi matematikami* [The Epistolary Heritage of D.D. Mordukhai-Boltovsky: Correspondence with Russian and Foreign Mathematicians]. In: Materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konfe-rentsii «Osenne matematicheskie chteniia v Adygee». – Maikop: Izd-vo AGU. – 2015. – P. 182–189. (In Russ.).

REPINA L.P. *Iubileinye istorii universitetov kak zhanr sovremennoi rossiiskoi istoriografii* [Anniversary stories of universities as a genre of modern Russian historiography]. In: Dialog so vremenem. – 2017. – Vyp. 60. – P. 142–152. – EDN: ZGFODB. (In Russ.).

SOROKIN P.A. *Dalniaia doroga: avtobiografiia* [A long journey: an autobiography] / per. s angl., obshch. red., sost., predisl. i primech. A.V. Lipskogo. – Moskva: Izd. tsentr Terra: Moskovskii rabochii. – 1992. – 302 p. (In Russ.).

TARASOVA M.N. «*V polzu chitaiushchei publike*» ["For the benefit of the reading public"]. In: Donskoi vremennik. God 2007-i / Don. gos. publ. b-ka. Rostov-na-Donu. – 2006. – Vyp. 15. – P. 187–190. (In Russ.).

SHANDULIN E.V. *Universitetskaia transformatsiia v 1920-e gg. v SSSR kak otrazhenie gosudarstvennoi politiki reformirovaniia sistemy vysshego obrazovaniia (po materialam Donskogo universiteta)* [University transformation in the 1920s in the USSR as a reflection of the state policy of reforming the higher education system (based on the materials of the Don University)]. In: *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*. – 2017. – Vypusk №1. – P. 135–140. (In Russ.).

Информация об авторе:

Н.И. Швайба – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

N.I. Shvaiba – candidate of sciences (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2025 г.; принята к публикации 30.12.2025 г.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 30.12.2025.